

Е. Г. НОВИКОВА *

«ДЕКАБРИСТ, КНЯЗЬ МЫШКИН»: СИТУАЦИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Идиот», князь Мышкин, традиции Достоевского, русская литература XX в., А. М. Ремизов, В. В. Набоков.

В статье изучается ситуация возвращения в романе Достоевского «Идиот». Впервые специальный дискурс возвращения в «Идиоте» исследован в тесной связи с собственной жизнью Достоевского. Также впервые с указанной точки зрения осмыслены традиции Достоевского в русской литературе XX в. (А. М. Ремизов, В. В. Набоков и др.).

Роман «Идиот» начинается «на всех парах» (8, 5): князь Мышкин на поезде возвращается в Россию. Сюжет романа формируется ситуацией возвращения, знаменующей собой «воскресение из мертвых» (4, 232), что сначала, по воле судьбы, стало собственным жизненным опытом Достоевского, а затем определило специальную тему смертной казни в романе «Идиот»: «Тут одно обстоятельство очень странное было, — странное тем собственно, что случай такой очень редко бывает. Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование <...>» (8, 51).

Об автобиографической составляющей образа князя Мышкина написано много. Но, кажется, автобиографический характер ситуации возвращения в связи с романом «Идиот» пока не был зафиксирован, несмотря на то, что жизненная ситуация возвращения писателя связана с ним как минимум дважды. Во-первых, это приезд Достоевского из Сибири, куда он был отправлен после процедуры гражданской казни, описанной в «Идиоте». Во-вторых, это жизненный контекст написания романа, который, как известно, был создан за границей, в Европе,

* Елена Георгиевна Новикова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского гос. университета — elenov@mail.ru.

где Достоевские провели четыре года, с 1867 по 1871. Основное место создания «Идиота» — Швейцария, откуда и возвращается в начале романа князь Мышкин. Первые замыслы романа были связаны с Женевою. Из письма А.Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.: «Теперь я приехал в Женеву с идеями в голове. Роман есть, и, если Бог поможет, выйдет вещь большая и, может быть, недурная» (28₂, 212). Только в сентябре 1868 г. Достоевские переедут в Италию, где, в самом начале 1869 г., и будет завершён роман.

Долгая жизнь вне России воспринималась Достоевским драматически, зачастую — трагически, и «Идиот» создавался им на фоне глубокой тоски по родине и размышлений о возвращении в Россию. Показательно в этом смысле уже процитированное выше письмо к А.Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г., в котором содержится первое упоминание о новом романе: «<...> попал <...> на чужую сторону, где нет не только русского лица, русских книг и русских мыслей и забот, но даже приветливого лица нет! Право, я даже не понимаю, как может заграничный русский человек, если только у него есть чувство и смысл, этого не заметить и больно не почувствовать <...> И как можно выживать жизнь за границей? Без родины — страдание, ей-богу! Ехать хоть на полгода, хоть на год — хорошо. Но ехать так, как я, не зная и не ведая, когда ворочусь, — очень дурно и тяжело. От идеи тяжело. А мне Россия нужна, для моего *писания* и труда нужна (не говорю уже об остальной жизни), да и как еще! Точно рыба без воды; сил и средств лишаешься» (28₂, 203–204)

Этот фрагмент из письма к А.Н. Майкову — как будто бы «подготовительный материал» к финалу «Идиота», к тому монологу Лизаветы Прокофьевны, которым завершается роман и в котором — та же тоска по родине, то же стремление вернуться назад в Россию, тот же драматизм судьбы «заграничного русского человека»: «Бедной Лизавете Прокофьевне хотелось бы в Россию, и, по свидетельству Евгения Павловича, она желчно и пристрастно критиковала ему всё заграничное: “Хлеба нигде испечь хорошо не умеют, зиму, как мыши в подвале, мерзнут, — говорила она, — по крайней мере вот здесь, над этим бедным, хоть порусски поплакала”, — прибавила она, в волнении и указывая на князя, совершенно ее не узнававшего. “Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И всё это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, всё это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!” — заключила она чуть не гневно, расставаясь с Евгением Павловичем» (8, 510). Такая сильная — финальная — позиция данного текста свидетельствует о его предельной значимости для автора.

В связи с этим в русской культуре сложилась и существует определенная традиция восприятия и интерпретации образа князя Мышкина в соотношении с теми, кто вернулся с каторги, из ссылки, наконец, из эмиграции, с реальными людьми либо вымышленными персонажами.

Так, в конце 1950-х гг. И. М. Смоктуновский у Г. А. Товстоногова в БДТ репетировал роль князя Мышкина, которая ему долго не давалась. Успех оказался predetermined одной встречей. Рассказ Иннокентия Смоктуновского об этом записан Аллой Демидовой: «Я снимался тогда в “Ночном госте” на “Ленфильме”. И как-то раз, проходя по коридору, увидел среди спящей толпы человека, который стоял и читал книгу. Я “увидел” его спиной. Остановился. Это было как шок — у меня стучало в висках. Я сразу не мог понять, что со мной. Оглянулся — и тогда-то и увидел его. Он просто стоял и читал, но он был в другом мире, в другой цивилизации. Божественно спокоен. Это был одутловатый человек, коротко стриженный. Серые глаза, тяжелый взгляд. К нему подошла какая-то женщина, что-то спросила. Он на нее так смотрел и так слушал, как должен был бы смотреть и слушать князь Мышкин. Потом я спросил эту женщину: кто этот человек, с которым она только что разговаривала? Она долго не могла сообразить, о ком это я, а потом чуть пренебрежительно: “А, этот идиот? Он — эпилептик. Снимается в массовке”. И начала мне рассказывать его биографию, но это была биография князя Мышкина (а она не знала, что я репетирую эту роль). Оказывается, он был в лагерях 17 лет. (А князь Мышкин 24 года жил в горах.) (Мышкин провел в Швейцарии около пяти лет. — *Е. Н.*) Я не слышал, как он говорит, но на следующий день на репетиции заговорил другим голосом... А когда мы еще раз с ним встретились — я поразился, что и голос у него такой же, как я предположил. После этой встречи и роль пошла...»²

Из книги О. Егошиной «Актерские тетради Иннокентия Смоктуновского»: «Как вспоминает Суламифь Михайловна Смоктуновская, Иннокентий Михайлович к нему приглядывался. И потом как-то сказал: “Кажется, я нашел Мышкина. Какие-то жесты, манера жестикулировать что-то подсказали”. И в классическом романном Мышкине вдруг угадывали “тюремную” пластику, дававшую особую подсветку самому свободному герою нашей сцены»³.

Свящ. Николай (Епишев) так передает свои зрительские впечатления от этого спектакля: «Спектакль начинался с движения — сначала в вагоне, а затем в городе. Но рядом с телесным перемещением всё время чувствовалось внутреннее движение героя, жизнь духовная. “Радость возвращения”, возвращения после катастроф — режиссер это очень хорошо подавал зрителю. Целое поколение людей тогда возвращалось: кто с фронта, кто из тюрем и лагерей, они ничего не имели и ни на что не претендовали. С таким-то персонажем оставляли нас с глазу на глаз режиссер и актер. Сам Смоктуновский был плоть

² Демидова А. С. Тени Зазеркалья. Роль актера: тема жизни и творчества. М., 1993. С. 45.

³ Егошина О. Актерские тетради Иннокентия Смоктуновского. М., 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://zadocs.ru/voennoe/60767/index.html?page=3> (дата обращения 30.06.2015).

от плоти этого поколения. Он чудом выжил, побывал на краю бездны, жил на пределе человеческих возможностей — и вот он перед нами. Обстоятельства только *для* жизни ему не оставляли места, и то, что он остался жив, — было чудом»⁴.

Образ князя Мышкина в исполнении Иннокентия Смоктуновского определился как общим поколенческим опытом «чуда» выживания, так и непосредственными впечатлениями актера о человеке, который 17 лет провел в лагерях, был эпилептиком и считался окружающими «идиотом».

Но десять лет на каторге и в ссылке провел не князь Мышкин, а сам создатель романа «Идиот». «И сбылось слово Писания: и к злодеям причтен» (Мк. 15: 28).

По-своему эту позицию подкрепляет и усиливает Г. С. Померанц, который при осмыслении проблемы «каторжного христианства» Достоевского, в первую очередь, анализирует именно образ князя Мышкина⁵. Показательно, что ученый в данном контексте также обращается к ролям И. М. Смоктуновского (и Ю. В. Яковлева)⁶. «Я думаю, — утверждает Г. С. Померанц, — что герои Достоевского неотделимы от него. Это его ипостаси, его исповедальные лики. Достоевского не оставил нам особой исповеди, но он исповедуется в десятках лиц <...> В романе нет места для высшей точки зрения, независимой от героев. Авторская воля просвечивает сквозь их субъективность <...> Корни ее уходят в “каторжное христианство”, в созерцание, превосходящее логическую мысль, в кружение духа вокруг непостижимой истины»⁷.

Предельно чувствительной к такому пониманию образа князя Мышкина стала русская эмиграция «первой волны».

Прежде всего, в ней укоренилось представление о самой четырехлетней жизни Достоевского в Европе именно как о своеобразной эмиграции, как о трагическом скитальчестве. Д. С. Мережковский писал: «Он <...> бежал за границу. Здесь он провел четыре года, невыразимо бедствуя. О крайностях нужды, почти невероятных, <...> дают представления его письма к А. Н. Майкову <...> Это — уже не деловое письмо, а бред; не жалобы, а крики отчаяния <...> Тут — самый звук надрывающегося голоса Достоевского, безудержное, почти безумное волнение, как перед припадком эпилепсии»⁸.

На этом фоне рождается, на первый взгляд, крайне неожиданное представление о «декабристе, князе Мышкине». Так его назвал

⁴ *Свяц, Николай (Епифанев)*. Как поставили Достоевского в БДТ (Портрет поколения в свете постановки «Идиота»). Мышкин — Смоктуновский // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы / Под общ. ред. И. Л. Волгина. М., 2008. С. 341.

⁵ *Померанц Г.* Каторжное христианство и открытое православие // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 13. СПб., 1999. С. 27–33.

⁶ Там же С. 29–30.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ *Мережковский Д. С. Л.* Толстой и Достоевский. М., 2000. С. 77–78.

А. М. Ремизов в письме к Н. В. Кодрянской: «<...> декабрист, князь Мышкин чистой мысли и чистого сердца»⁹.

Размышления А. М. Ремизова о Достоевском всегда были связаны с темой крестной муки. В своей речи «Огненная Россия. Памяти Достоевского», произнесенной 11 февраля 1921 г. на вечере, посвященном памяти Достоевского, писатель сказал: «Трепетной памятью неизбывной, испуганием сердца, подвигом, крестной мукой перед лицом всего мира — вот чем жить и любить человеку. Достоевский — это Россия»¹⁰.

В 1950-е гг. А. М. Ремизов создает уникальное произведение о русской литературе «Огонь вещей. Сны и предсонья». Несколько глав в нем посвящено творчеству Достоевского; в частности, роману «Идиот» посвящена специальная глава «Звезда-Полынь». Она показательно начинается прямой отсылкой к автобиографическому рассказу писателя о смертной казни: «<...> Слушайте, послушайте, что рассказывает человек, этот бунтовщик, заговорщик, этот злоязычник, блудница, изверг; вот его поймали, избили и надругались, приволокли ко кресту и, скрутив веревкой, уже подтянули, чтобы вешать, уж по лестнице вскарабкались с молотком и гвоздями — и вдруг говорят: “Ступай, тебя прощают”. Да ведь это судьба Достоевского (22 декабря 1849 года, Петербург)»¹¹.

Значительное место в «Огне вещей» уделено Гоголю, и, работая над этой ее частью, А. М. Ремизов рисует — создает свои визуальные версии гоголевского художественного слова. «В 1951 году писатель приступил к работе над очерками, посвященными “Мертвым душам” <...> тексту предшествовала серия графических “литературных” альбомов», — пишет Е. Обатина в специальной работе, посвященной «Огню вещей»¹².

Рисунки А. М. Ремизова, сопровождающие его размышления над художественными текстами, — совершенно особое явление. «Незаконность замысла и исполнения выносят иллюстрированные альбомы Алексея Ремизова за пределы общепринятых жанровых разделений <...> В ремизовских альбомах рисунки и текст, дополняя друг друга, дают возможность наиболее полного прочтения произведения в целом: то, что скрыто в недрах текста, открывается в рисунках, а то, что кажется необъяснимым в рисунках, становится очевидным по прочтении текста», — отмечает Ю. Фридман¹³.

⁹ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 236.

¹⁰ Ремизов А. М. Взвихренная Русь. М., 1991. С. 505.

¹¹ Ремизов А. М. Огонь вещей. М., 1989. С. 211.

¹² Обатина Е. Метафизический смысл русской классики («Огонь вещей» А. М. Ремизова как опыт художественной герменевтики) // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 236.

¹³ Фридман Ю. От текста и изображения к звуку: альбом «Мерун» как пример синтетического творчества А. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева, А. Д. Амелия; РАН, Институт русской литературы. СПб.—Салерно, 2003. С. 203.

Именно в этом контексте и возникает образ «декабриста, князя Мышкина». Описывая свои живописные интерпретации Гоголя, Ремизов, в частности, разъясняет: «Манилов вышел у меня небывалый — декабрист, князь Мышкин чистой мысли и чистого сердца»¹⁴. Рисование открывало А. М. Ремизову «то, что скрыто в недрах текста», в том числе и в «недрах текста» романа «Идиот», занявшего важное место в его «Огне вещей».

При этом в самой главе «Звезда-Полынь» о Мышкине говорится следующее: «<...> в действительности — на самом деле — не было никакого вечера у Епанчиных, и никакой китайской вазы Мышкин не разбивал, и свадьбы Мышкина не было и не было убийства Настасьи Филипповны, а всё это только снится Мышкину»¹⁵. Таким образом, в общем контексте ремизовского «Огня вещей» «Идиот» — это рассказ Достоевского об эшафоте, «декабрист, князь Мышкин» и «звезда-Полынь». Всего остального романного сюжета «на самом деле — не было».

Особое место в этой традиции включения образа князя Мышкина в ряд вернувшихся в Россию с каторги, из ссылки, из эмиграции занимает драма «Дедушка» (1923) В. В. Набокова — В. Сирина¹⁶. Эта ранняя драма также восходит к жизненному пути самого Достоевского в восприятии Набокова: к заключению в Петропавловской крепости, эшафоту и избавлению от смертной казни.

Название поэмы «Дедушка» может быть соотнесено с тем известным фактом, что двоюродный прадед писателя И. А. Набоков (1787–1852) был комендантом в Петропавловской крепости, когда там содержался Достоевский. Это подчеркивает сам Набоков. Описывая в «Speak, Memoir!» свою родословную, он специально останавливается на истории жизни двух своих прадедов по отцу, родного — Н. А. Набокова (1794–1873) и двоюродного — И. А. Набокова: «<...> мой прадед, Николай Александрович Набоков <...> Он был женат на Анне Александровне Назимовой (сестре декабриста). О военной карьере его мне ничего не известно, но какова бы она ни была, она навряд ли сравнялась с карьерой его брата, Ивана Александровича Набокова (1787–1852), героя войн с Наполеоном, ставшего под старость комендантом Петропавловской крепости в Петербурге, где одним из его узников был (в 1849 году) писатель Достоевский, автор “Двойника” и проч., которого добрый генерал ссужал книгами. Куда интереснее, однако же, то, что он был женат на Екатерине Пушчиной, сестре Ивана Пущина, однокашника и близкого друга Пушкина <...> Племянником Ивана и сыном Николая был мой дед с отцовской стороны, Дмитрий Набоков (1827–1904) <...>»¹⁷. Обращает на себя внимание этот интенсивный «декабристский» контекст: «сестра декабриста», И. И. Пущин... У Набокова тема декабристов и тема

¹⁴ *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. С. 236.

¹⁵ *Ремизов А. М.* Огонь вещей. С. 229.

¹⁶ *Набоков В. В.* Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 695–709.

¹⁷ *Набоков В. В.* Американский период. Собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5. С. 354–355. Реконструкция С. Ильина.

петрашевца Достоевского, заключенного в Петропавловскую крепость, теснейшим образом переплетаются между собой.

Кульминацией одноактной драмы Набокова «Дедушка» является рассказ персонажа, который именуется «Прохожий», о его казни на эшафоте и о чудесном спасении: «Вот, — хотите вы послушать рассказ о том, как летом, в девяносто втором году, в Лионе, господин де Мэриваль — аристократ, изменник, и прочее, и прочее — спасен был у самой гильотины?»¹⁸

Ср.: «Я в Лионе видел, я туда с Шнейдером ездил, он меня брал» (8, 19).

Описываемые Набоковым события происходят во Франции 1792 г., в «буйный год <...> Трибунала»¹⁹ и падения монархии:

Прохожий

Мне было двадцать лет
в тот буйный год. Громами Трибунала
я к смерти был приговорен — за то ли,
что пудрил волосы, иль за приставку
пред именем моим, — не знаю: мало ль
за что тогда казнили... В тот же вечер
на эшафот я должен был явиться, —
при факелах... <...>

Уже стемнело,
вдоль черных улиц зажигались окна
и фонари. Спиною к ветру сидя
в тележке тряской и держась за грядки
застывшими руками, думал я, —
о чем? — да всё о пустяках каких-то, —
о том, что вот — платка не взял с собою,
о том, что спутник мой — палач — похож
на лекаря почтенного... Недолго
мы ехали. Последний поворот —
и распахнулась площадь, посередине
зловеще озаренная... <...>

И сумрачное уханье толпы, —
глумящейся, быть может (я не слышал), —
движенье конских крупов, копыа, ветер,
чад факелов пылающих — всё это
как сон прошло, и я одно лишь видел,
одно: там, там, высоко в темном небе,
стальным крылом косою тяжелый нож
меж двух столбов висел, упасть готовый <...>

¹⁸ Набоков В. В. Русский период. Т. 1. С. 699–700.

¹⁹ Там же. С. 700.

И на помост, под гул толпы далекой,
я стал всходить — и каждая ступень
по-разному скрипела. Молча сняли
с меня камзол, и ворот до лопаток
разрезали... <...>
но, кажется, я с виду был спокоен...

Жена

<...> Но как же,
но как же вы спаслись?..

Прохожий

Случилось чудо <...>

Вдруг — крик:
«Пожар!» — и в тот же миг всплеснулось пламя
из-за перил, и в тот же миг шатались
мы с палачом, боролись на краю
площадки... <...>
«Пожар! пожар!» — всё тот же бился крик,
захлебывающийся и блаженный!
А я уж был далёко! <...>

Так спасся я — и сразу
как бы прозрел: я прежде был рассеян,
и угловат, и равнодушен... Жизни,
цветных пылинок жизни нашей милой
я не ценил — но, увидав так близко
те два столба, те узкие ворота
в небытие, те отблески, тот сумрак...
И Францию под свист морского ветра
Покинул я, и Франции чуждался <...>
Видов видал немало. Был матросом,
был поваром, цирюльником, портным —
и попросту — бродягой... Всё же ныне
благодарю я Бога ежечасно
за трудности, изведенные мной, —
за шорохи колосьев придорожных,
за шорохи и теплое дыханье
всех душ людских, прошедших близ меня...²⁰

Этот текст Набокова восходит к теме смертной казни Достоевского в «Идиоте», к описанию казни Лерго князем Мышкиным и к собственному рассказу писателя: Франция, Лион, «тележка» и «лесенка», эшафот, гильотина, палач, толпа, «предсмертный туалет»... — и «чудо», чудесное

²⁰ Набоков В.В. Русский период. Т. 1. С. 700–703.

спасение, после которого наступило «прозрение»: «Что если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И всё это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!» (8, 52).

Прохожий, главный герой набоковского «Дедушки», — политический эмигрант эпохи падения французской монархии. На вопрос Жены: «Вы из наших мест?»²¹ Прохожий отвечает:

Недавно лишь вернулся
на родину. Живу у брата в замке
де Мэриваль...²²

Драма начинается ремаркой: «Действие происходит в 1816 году во Франции <...>»²³. Прохожий в своем монологе, рассказав о счастливом спасении в «буйном» 1792 г. и о том, что «Францию под свист морского ветра покинул <...>», далее разворачивает картину своих скитаний:

Но нелегко жилось мне на чужбине:
я в Лондоне угрюмом и сыром
преподавал науку поединка.
В России жил, играл на скрипке в доме
у варвара роскошного... Затем
по Турции, по Греции скитался.
В Италии прекрасной голодал <...>²⁴.

Именно его, политического эмигранта эпохи падения французской монархии, Набоков и наделяет тем монологом о казни и о спасении, который самым непосредственным образом соотносится с рассказом князя Мышкина и собственным опытом эшафота Достоевского.

При этом название драмы Набокова, посвященной возвращению политического эмигранта на родину, с очевидностью отсылает и к поэме Н. А. Некрасова «Дедушка» (1870), в центре которой — образ вернувшегося из сибирской ссылки декабриста. Описание «дедушки» — бывшего декабриста в поэме Некрасова:

Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,

²¹ Набоков В. В. Русский период. Т. 1. С. 696.

²² Там же. С. 696.

²³ Там же. С. 695.

²⁴ Там же. С. 702–703.

Как серебро борода;
Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит...²⁵

Персонаж Дедушка в поэме Набокова — также «прекрасный старик», пришедший «издалека», из неведомых мест:

Как-то,
Минувшею весною, появился
В деревне старец, — видно, издалека.
Он имени не помнил своего.
На все вопросы робко улыбался...
<...> А — дедушка... Прекрасный
старик... Весь серебрится он на солнце.
Прекрасный... И мечтательное что-то
в его движеньях есть²⁶.

У Набокова Дедушка оказывается тем самым палачом, который должен был казнить Прохожего. (Очевидно, что это требует специального анализа, который выходит за рамки данного исследования. Можно только предположить, что здесь выразилось то отношение Набокова к революционным политическим движениям в России, которое определило, например, образ Н. Г. Чернышевского в его романе «Дар».)

«Прототипом главного героя (поэмы “Дедушка” Н. А. Некрасова. — *Е. Н.*) послужил вернувшийся из сибирской каторги и ссылки князь С. Г. Волконский. Некрасов был хорошо знаком с его сыном М. С. Волконским, чьи рассказы отразились в поэме»²⁷. Существенную роль в знакомстве новой России с наследием декабристов вообще и с князем С. Г. Волконским в частности сыграли знаменитые политические эмигранты эпохи А. И. Герцен и Н. П. Огарев, активно публиковавшие в «Поллярной звезде» материалы о декабристах. Герцен познакомился с Волконским в 1861 г. в Париже; Волконский начиная с 1859 г. выезжал для лечения в Европу. Рассказ Герцена: «В 1861 г. <...> я опять почувствовал себя молодым студентом. Старик, величавый старик, лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми волосами, падавшими до плеч, рассказывал мне о тех временах, о *своих*, о Пестеле, о казематах, о каторге, куда он пошел молодым, блестящим и откуда только что воротился седой, старый, еще более блестящий, но уже иным светом...»²⁸

²⁵ Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1979. Т. 2. С. 217.

²⁶ Набоков В. В. Русский период. Т. 1. С. 697, 704.

²⁷ Царькова Т. Примечания. Стихотворения и поэмы 1861–1877 гг. // Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 397.

²⁸ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954–1965. Т. 17. С. 99.

В это же время во Флоренции с С. Г. Волконским познакомился и Л. Н. Толстой. Своими впечатлениями о нем Толстой делится в письме к тому же Герцену (от 14–16 марта 1861 г., Брюссель): «<...> Вы не можете себе представить, как мне интересны все сведения о декабристах в “П<олярной > З<везде>”. — Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист. Я хотел поговорить с вами об этом, да так и не успел. — Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгий и несколько идеальной (так в тексте. — *Е. Н.*) взгляд к новой России. — Скажите пожалуйста, что вы думаете о приличии и современности такого сюжета. Тургеневу, кот <орому> я читал начало, понравились первые главы»²⁹.

Но «энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся <...> в Россию <...> и примеряющий свой строгий и несколько идеальный взгляд к новой России» — это как будто бы описание князя Мышкина (только без жены и детей). Как известно, С. Г. Волконский стал прототипом Петра Лабозова, главного героя незаконченного (только начато) романа Л. Н. Толстого «Декабристы», замысел которого перерастет в «Войну и мир». Содержание «Декабристов» — возвращение в Россию декабриста из сибирской ссылки.

Так драма Набокова «Дедушка» остро актуализировала и развернула заложенную в «Идиоте» сюжетную ситуацию возвращения героя с каторги, из ссылки, из эмиграции.

Достоевский, встретившись в Сибири с женами декабристов, ощутив единство их общей каторжной и сибирской судьбы, в конечном счете разделил с ними и долгожданное возвращение в Россию. Как известно, 26 августа 1856 г., в самый день своей коронации, Александр II подписал «Высочайший указ Сенату о милостях государственным преступникам» — амнистию декабристам; им было разрешено вернуться в европейскую часть России. Фактически одновременно с ними, в 1859 г., возвращается из Сибири и Достоевский. Это и могло обусловить тот «декабристский» потенциал образа князя Мышкина, который обнаружила в нем русская культура и литература. Тема декабристов в литературе эпохи Достоевского — прежде всего их возвращение из сибирской ссылки, «воскресенье из мертвых» (4, 232).

Библиографический список

Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 17. М., 1959.

Егошина О. Актерские тетради Иннокентия Смоктуновского. М., 2004. URL: <http://zadocs.ru/voennoe/60767/index.html?page=3> (дата обращения 23.12.2016).

Епифеев Н., свящ. Как поставили Достоевского в БДТ (Портрет поколения в свете постановки «Идиота»). Мышкин — Смоктуновский // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы / Под общ. ред. И. Л. Волгина. М., 2008. С. 340–347.

Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977.

²⁹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: [В 90 т.] М., 1928–1958. Т. 60. С. 374.

- Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский.* М., 2000.
- Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1.* СПб., 2000.
- Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5.* СПб, 1999.
- Некрасов Н. А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2.* М., 1979.
- Обатина Е. Метафизический смысл русской классики («Огонь вещей» А. М. Ремизова как опыт художественной герменевтики) // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 230–239.*
- Померанц Г. Катожное христианство и открытое православие // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 13. СПб., 1999. С. 27–33.*
- Ремизов А. М. Взвихренная Русь.* М., 1991.
- Ремизов А. М. Огонь вещей.* М., 1989.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: [В 90 т.] Т. 60.* М., 1949.
- Фридман Ю. От текста и изображения к звуку: альбом «Мерун» как пример синтетического творчества А. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб. — Salerno, 2003. С. 203–228.*

Novikova E. G. “Decabrist, Prince Myshkin”.

The situation of comeback in the novel *Idiot* by Dostoevsky

Key words: F. M. Dostoevsky, *Idiot*, Prince Myshkin, tradition of Dostoevsky, Russian literature of the 20th century, A. M. Remizov, V. V. Nabokov.

The article examines the situation of comeback in the novel *Idiot* by F. M. Dostoevsky. This is the first time when a special discourse of the comeback in *Idiot* is associated with Dostoevsky’s own life. Also for the first time the tradition of Dostoevsky in Russian literature of the 20th century (A. M. Remizov, V. V. Nabokov et al.) is described from this point of view.

References

- Egoshina O. *Akterskie tetradi Innokentiya Smoktunovskogo.* Moscow, 2004. URL: <http://zadocs.ru/voennoe/60767/index.html?page=3>, svobodnyj (date of access 23.12.2016).
- Epishev N., svyashch. *Kak postavili Dostoevskogo v BDT (Portret pokoleniya v svete postanovki “Idiota”. Myshkin — Smoktunovskij). II Mezhdunarodnyj simpozium “Russkaya slovesnost’ v mirovom kul’turnom kontekste”:* izbrannye doklady i tezisy. Ed. I. L. Volgin. Moscow, 2008. P. 340–347.
- Fridman Y. *От текста и изображения к звуку: альбом “Мерун” как пример синтетического творчества А. Ремизова. Алексей Ремизов. Исследования и материалы.* Saint Petersburg — Salerno, 2003. P. 203–228.
- Gercen A. I. *Sobranie sochinenij:* In 30 vols. Vol. 17. Moscow, 1959.
- Kodryanskaya N. *Remizov v svoih pis'mah.* Paris, 1977.
- Merezhkovskij D. S. L. *Tolstoj i Dostoevskij.* Moscow, 2000.
- Nabokov V. V. *Amerikanskij period. Sobrahanie sochinenij:* In 5 vols. Vol. 5. Saint Petersburg, 1999.

Nabokov V.V. Russkij period. *Sobranie sochinenij*: In 5 vols. Vol. 1. Saint Petersburg, 2000.

Nekrasov N.A. *Sobranie sochinenij*: In 4 vols. Vol. 2. Moskow, 1979.

Obatina E. Metafizicheskiy smysl russkoj klassiki (“Ogon’ veshchej” A.M. Remizova kak opyt hudozhestvennoj germenevtiki). *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003. N 61. P. 230–239.

Pomeranc G. Katorzhnoe hristianstvo i otkrytoe pravoslavie. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Al'manah*. N 13. Saint Petersburg, 1999. P. 27–33.

Remizov A.M. *Ogon' veshchej*. Moskow, 1989.

Remizov A.M. *Vzvihrennaya Rus'*. Moskow, 1991.

Tolstoj L.N. *Polnoe sobranie sochinenij*: [In 90 vols.] Vol. 60. Moskow, 1949.